

Виктор Травкин

Несколько
капель
перед сном

рассказы

Виктор Иванович Травкин

Несколько капель перед сном (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30487405

Несколько капель перед сном: У Никитских ворот; Москва; 2017

ISBN 978-5-00095-378-5

Аннотация

Название настоящей книги как нельзя более точно подходит её содержанию. Рассказы Виктора Травкина оригинальны, остроумны, интересны, полны жизни. В слегка ироничной манере автор затрагивает самые важные темы: любви, дружбы, свободы воли, совести, судьбы маленького человека. Герои его произведений – так называемые «простые» люди, в которых читатель легко может узнать своих коллег, соседей, друзей, родственников, но именно они являются носителями главных ценностей, на которых держится мир.

Читать книгу Виктора Травкина можно по-разному: и «по несколько капель», по 2-3 рассказа, перед сном, смакуя каждое слово, и запоем, от начала до конца, например, на даче, – в любом случае это будет увлекательнейшее чтение, от которого обязательно захочется жить полнее и любить сильнее.

Содержание

Предисловие	5
Привидение, или Как я провёл лето	11
Моё открытие Югославии	26
Хет-трик Вовчика	45
Один день из жизни Виктора Ивановича	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Виктор Травкин

Несколько капель

перед сном

© Травкин В.И., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

*Автор выражает сердечную благодарность
Сергею Ивановичу Объедкову который выступил
меценатом издания этой книги*

Предисловие

Немногие из начинающих писателей приходят в литературу с уже накопленным жизненным опытом, со своими наблюдениями и мыслями. Московский писатель Виктор Травкин знаком читателям по книгам «День седьмой» и «Древо жизни» под псевдонимом В. Землянин. Данные произведения написаны им в жанре литературно-исторического эссе и повествуют о лунной теории происхождения разумной жизни на Земле. В 2016 году вышла его монография «Новый взгляд на Дендерский зодиак». В последнее время в ряде периодических изданий были напечатаны его рассказы.

И вот теперь на суд читателей автор представляет новую книгу – сборник рассказов «Несколько капель перед сном». Книга состоит из 17 рассказов. На первый взгляд кажется, что все эти рассказы ничто не объединяет, каждый существует самостоятельно и независимо друг от друга. Но это впечатление весьма обманчиво. Если быть внимательным, то можно увидеть несомненную связь между ними.

Открывает сборник рассказ «Привидение, или Как я провёл лето» о нескольких днях летних каникул школьника Вити Травкина, проведённых со сверстниками в походе. Рассказ написан от первого лица, с детской непосредственностью, свойственной мальчугану, в осмыслении которого

чистый мир реальности сливается с воображаемым миром фантазии. Автор как будто вводит нас в волшебный мир детства, где происходят необъяснимые чудеса и приключения. Этой атмосфере беззаботного детства, радости и неподдельного удивления способствует и нарочито простая, разговорная манера изложения. И благодаря этому повествование наполняется сочными яркими красками, летним светом и теплом и всем тем радостным и счастливым ощущением жизни, которое встречается только в счастливых детских воспоминаниях.

Вообще, при прочтении создаётся впечатление, что почти все рассказы писателя основаны на реальных историях реальных людей. Сколь бы замысловатым и невероятным ни был сюжет, с уверенностью можно сказать, что главный автор этих текстов – сама Жизнь. А Виктор Травкин, являясь очевидцем, а иногда и главным героем описываемых событий, благодаря литературному таланту и недюжинному трудолюбию перенёс эти сюжеты в крепкую литературную форму. В этой связи очень показателен рассказ «Моё открытие Югославии». На мой взгляд, это программное произведение автора, в котором с помощью хорошего литературного языка и захватывающей повествовательной формы воплощены практически все жизненные принципы автора. Здесь и отношение к исторической памяти – «забвение того хорошего, что объединяло страны в прошлом. Память... Всё, что осталось от этого единства. Да и ту пытаются вывернуть наизнан-

ку...», и ностальгия по студенческому братству и единству, соединившим людей разных стран. И, конечно же, сокровенная и святая для каждого русского человека тема Великой Отечественной войны, которая раскрывается в рассказе об освобождении отцом нашего героя города Белграда, и тема гражданской ответственности за невозможность предотвратить трагедию: «Извините нас гражданской братья! Верю, что такое больше не повторится. Да живёт в веках российско-сербская дружба!...» Ностальгия по целостности, моральным принципам и нравственным основам, которые противостоят современному хаосу действительности, вызывают глубокое уважение и самые тёплые чувства...

Несмотря на то, что в творчестве писателя встречаются мотивы светлой грусти, гораздо чаще рассказы проникнуты радостью, граничащей с упоением красотой описываемых героев. Таков герой рассказа «Хет-трик Вовчика» – обыкновенный парень, который поступил в институт с рабфака и не выделялся среди студентов какими-то особыми талантами и достоинствами, кроме как кротким нравом и безотказностью: «Вовчик всегда был готов прийти на помощь». На протяжении всего повествования с этим «недотепой» случаются разные курьёзные ситуации. И какое же удивление вызывает тот факт, что через много лет, случайно встретив Еремеева Владимира Петровича (а это и есть Вовчик), автор вдруг открывает для себя то важное, что о Вовчике он и не знал, хотя был уверен, что видел его насквозь. Перед нами встаёт об-

раз «Человека с большой буквы, главы семейства, отца, мужа, оплота семьи, на котором держится весь мир». Такие вот простые и основательные люди, которые способны защитить от любых невзгод, стать опорой и поддержкой, и есть настоящие герои и «соль земли нашей». Автор умеет подмечать в окружающей жизни то важное, что ускользает от взгляда обычного человека. Именно поэтому в героях его рассказов так хорошо узнаваемы мы сами, наши друзья, коллеги или просто случайные прохожие. Такие разные и такие похожие современники.

И всё же большинство историй, рассказанных писателем, вызывают улыбку и оптимизм. Эти рассказы представляют собой яркие зарисовки о жизни, непредсказуемой, смешной и грустной одновременно, но при этом всегда оптимистичной и светлой. Причём автор не лишён и определённой иронии по отношению к миру и самому себе. «Невыдуманные рассказы» полны юмора и точных жизненных наблюдений. Повествовательный характер изложения создаёт у читателя ощущения свидетеля всех описанных историй. Как будто не читаешь, а слушаешь житейские байки прямо из уст автора или даже присутствуешь при них и чувствуешь все запахи, и звуки, и краски природы. В рассказе «Ресторан три звезды» так явственно ощущаются дыхание знойного августовского дня и сменяющая его нега вечерней прохлады, что аромат приготовленной еды становится божественным и неповторимым: «... подобной еды я никогда раньше не ел. Не ел я такой

и потом. Не знаю, выпадет ли мне счастье попробовать что-то такое же когда-нибудь»...

И хотя во многих рассказах автор – главный герой повествования, важное место в них занимают люди, окружающие писателя на протяжении жизни: близкие люди, друзья, литераторы. Их судьбы, мечты и желания наполняют эту книгу яркими, даже в чём-то противоречивыми эмоциями. Юмористический рассказ «Бюст Екатерины» написан в жанре пьесы с точными авторскими ремарками: примечаниями, содержащими обозначение места действия, особенностей интерьера, внешности персонажей, их манеры поведения. Текст настолько изобилует искромётными диалогами и оборотами речи, что невольно вызывает у читателя широкую улыбку и смех.

При всём этом автор одинаково успешно владеет разными стилями литературного изложения. Писателю присущ и лирический стиль. Цикл рассказов «Родители» открывает перед нами целый ряд близких и дорогих писателю образов: деда Григория, деда Павла, отца и мамы. С какой любовью и нежностью автор рассказывает о самых дорогих людях в его жизни: образы их, с одной стороны, просты и жизненны, а с другой – удивительны и многообразны. С какой трогательной нежностью и чувством безграничной благодарности он описывает нелёгкую жизнь своей матери, которая, несмотря на все жизненные трудности и болезни, обладала самым бесценным даром – талантом радоваться жизни! И этот талант

в полной мере она передала и сыну, а он, в свою очередь, щедро делится им с нами, своими читателями.

Вечные темы, которые затрагивает автор в своих рассказах, такие как дружба, любовь, поиски смысла жизни, никогда не потеряют своей актуальности, так как затрагивают души и сердца большинства людей. Именно поэтому рассказы будут интересны широкой читательской аудитории – от старшего поколения до самых юных читателей, только открывающих для себя удивительный мир художественной прозы.

В завершение хочется сказать, что все эти весёлые и грустные истории объединяет одно целое – безумная жажда жизни, вера в добро и надежда на лучшее. Автор предупреждает нас о том, что ни одно мгновение жизни больше не повторится, всё проходит – и хорошее и плохое. И поэтому надо радоваться каждому дню. Пить это сладкое и терпкое вино жизни, наслаждаясь каждой каплей живительного бальзама с нотками ностальгических переживаний об утраченном, светлой меланхолии и невероятного оптимизма. Рассказы Виктора Травкина не оставят равнодушными искущённого читателя, да и вообще любого, кто любит живой слог, юмор и жизненную правду.

Алла Романовская

Привидение, или Как я провёл лето

Сочинение Травкина Виктора, ученика 8 класса школы № 15 города Электростали

Этим летом я остался в городе. Так получилось. Родители сказали, что надо остаться, потому что у них много важных дел. А я и не возражал. Даже радовался. Но виду не подавал, чтобы отца и мать не расстраивать. Они всегда старались меня на лето куда-то увезти. А мне и в городе было хорошо.

Действительно, а что плохого? Может быть, через много лет, когда всё станет ещё лучше и всего будет много, только захоти – и бери, вот тогда новые люди скажут: «Как это вы жили так бедно! Кругом была одна разруха!» Вроде как посочувствуют, да только как-то обидно.

Да не бедно мы живём! Просто даже замечательно. Я с родителями поездил много по Советскому Союзу и скажу так: не видел, чтобы были какие-то разрушения. Возможно, что к этому времени всё восстановили. Да и родители говорили, хорошо, что никто у нас в стране не голодает, и жизнь наша совсем уж и не плохая. Вот, правда, когда соседу привезли кеды китайские, то вроде как я ему завидовал, потому что в таких кедах играть в баскет – просто здорово. Но скоро

этих кедров во всех магазинах стало завались, и вскоре отец принёс мне эти кедров в подарок, что-то напевая про то, что «русский с китайцем – братья навек». Китайцев я не видел, но кедров оказались – класс.

Когда начались каникулы, отцу понадобилось куда-то уехать по делам. Он меня взял за руку, подвёл к окну и показал на стену дома, что напротив. А там – висит плакат, большой. И на нём слова: «Всё лучшее – детям».

Отец мне прочитал, что там написано, – хотя я и сам могу читать – и сказал, чтобы я далеко со двора не убежал, только если в поход с Владимиром Александровичем. Оставил меня с мамой и уехал. А я побежал во двор.

Наш двор – большой. Вокруг него шесть домов, и в каждом – по пять этажей. В домах живут те, кто работает на городских заводах, и в городских конторах, и в воинских частях.

У нас во дворе – четыре компании. Мы не ссоримся, потому что у всех всё одинаковое. В каждой компании – по 20-30 ребят.

В центре двора сделали спортивную площадку, на которой мы летом гоняем в футбол и в баскет, а зимой заливаем водой и играем в хоккей.

Там же ещё есть турник, качели большие и качалка для совсем маленьких, чтобы не упали. Ещё в стороне стоит стол для домино с железной крышкой. На нём играют взрослые и громко стучат костяшками. Рядом ещё столбы с верёвками

для белья. Ещё кусты, деревья...

Вот и всё.

В одном из домов – том, что справа от моего, – на первом этаже большая трёхкомнатная квартира. Её нам отдали под детскую комнату. Мы даже придумали для неё название. «Ракета». Во всём городе ни в одном дворе нет комнаты с таким названием. То есть детские комнаты есть, но с таким названием – точно нет.

Как в «Ракету» заходишь – слева за дверью, в первой комнате, стоит стол для настольного тенниса. На нём всегда кто-то играет. И не надо заходить, чтобы это узнать. Ещё со двора слышно, как шарик прыг-скок, прыг-скок...

В соседней комнате, самой большой, – кружок, где ребята занимались мотоциклами. Вечно там всё заставлено, всё в масле, что-то разбирают, собирают...

А в самой дальней комнате – все остальные кружки: рисования, вышивания, пения и ещё какой-то, названия не помню. То есть такие, где не надо ничего большого ставить, а просто приходить.

В «Ракету» как ни придёшь – там всегда кто-то крутится. Весело!

Над нашим двором шефствовал большой завод. У всех дворов нашего города есть шефы.

На лето завод присылает к нам руководителя. Это и есть Владимир Александрович. Ему около 50 лет, он заслуженный мастер спорта по классической борьбе. Точно! У него

всегда к пиджаку значок привинчен.

Каждое утро, в девять ноль-ноль, как на работу, он приходит к нам. На заводе он слесарь, но всё время занимается спортом, сам тренируется и других учит весь год. А лето проводит с нами.

Так вот, каждый день он приходит, как на работу, на нашу площадку, садится на лавочку. И тут же вокруг него что-то начинается. Подбегают к нему ребята, что-то обсуждают, планы разные. Взрослые тоже подходят. Матери подходят, спрашивают, как ведёт себя их сын. А Владимир Александрович всегда точно знает, говорит, что пошёл туда-то или туда-то в другое место.

«У меня всё под контролем», – так он говорит.

В нашем дворе всегда весело. Мы устраиваем спортивные соревнования, конкурсы песни, художественную самодеятельность, конкурсы рисунков. Я сам в начале лета участвовал в конкурсе рисования мелом на асфальте. Нарисовал Днепрогэс, похоже, особенно как вода бурлит. А потом ещё был конкурс на перетягивание каната. И турниры на лучшую дворовую команду: «Кожаный мяч» – по футболу, «Оранжевый мяч» – по баскетболу... Я стал чемпионом Московской области с нашей дворовой командой по баскетболу. И не потому что выше всех, а просто играю хорошо.

Но больше всего мне нравится ходить в поход. Мы за лето раз пять-шесть ходим в походы. Идём дней на пять, живём в лесу, а потом возвращаемся.

Этим летом мы тоже ходили в поход. Каждый раз, как мы идём в поход, что-то случается. Кто-то в яму провалится. Кто-то промокнет под дождём. А кто-то поймает большую рыбу. Кто-то на спор не спал два дня. А кто-то объедался, а потом болел животом. И потом все смеялись. Нет, хорошо смеялись, не обидно.

А вот этим летом случилось... Нет, начну с самого начала.

Чтобы нашему двору пойти в поход, завод выделил нам палатки, спальные мешки, котелки, консервы разные – тушёнку, бычков в томате... А ещё – крупу, картошку. И даже денег дали на проезд.

Я только должен был собрать свои вещи, взять миску для еды, кружку для чая, ложку – и всё.

В это лето поход получился большой, потому что с нами пошла ещё и соседняя площадка – «Берёзка». У них был руководитель Дима. Собралось ребят 20-30 с двух площадок, два руководителя, и мы пошли в поход.

Сели в электричку и с пересадками доехали до станции Хотьково, что под Загорском. В Хотьково вышли, спустились к мосту, прошли через деревню, затем спустились к речке со смешным названием Воря. Так себе речка – где пять метров, где три шириной, а глубина так вообще только до колена.

Солнце стояло высоко, было тепло, а ветра не было вообще.

Мы перешли по мостику, который был весь скрипучий,

подвесной, зато длинный – метров 25 – и раскачивался так, что можно и в воду полететь. Но никто не полетел.

Поднялись мы на другой берег, прошли по опушке леса и сели на краю опушки, возле поля.

С одной стороны было чисто поле – ровное и пустое до самого горизонта. С другой стороны – маленький лесок, а дальше – склон в сторону речки и метров 50 вниз – и сама речка Воря.

Мы выбрали площадку достаточно ровную, рядом высокие кусты, поставили палатки. А тут и вечер уже.

С другой стороны речки, напротив нас, стояла старая разрушенная церковь. Даже забора вокруг неё не было.

Наши руководители нас построили, раздали всем задания: кому палатки ставить, кому дрова искать, кому за водой шагом марш.

Развели костёр. Не сразу, но загорелся. Все мы стояли вокруг и радовались: как же хорошо! Мы ушли в поход! Мы тут без родителей! Мы сами по себе!

Приготовили самую вкусную еду в мире – лапшу с тушёной. Сварили ведро чая. Нарезали хлеб. Каждый вытащил свою миску. Начали есть. Вкусно было очень. Потом кто-то пошёл мыть посуду.

Был вечер, но пока ещё было довольно светло. Наши руководители сказали, чтобы мы сильно не шумели. А сами переоделись и отправились недалеко, где был дом отдыха, проверить, как там дела.

Вот так мы и оказались одни. Пили чай. Кто-то бегал и толкался. Кто-то пытался играть на гитаре. Где-то рассказывали весёлые истории.

Когда уже было 10 часов вечера, то церковь, что напротив, стала ещё заметнее. Её полностью стало освещать низкое солнце, а деревья, кусты и дома остались в тени. И тут кто-то стал рассказывать про колдунов и ведьм, что раньше селились на кладбищах у развалин таких вот церквей.

Потом поговорили о привидениях. Долго говорили. По очереди рассказывали, кто какое видел и о каком привидении слышал. Пока говорили, я заметил, что даже те, кто стоял в стороне от костра, подошли ближе. То ли послушать, то ли потому, что боялись.

Время летело незаметно. Прошло уже часа два после нашего ужина, поэтому решили ещё раз чаю попить. Посмотрели – воды в ведре нет. Тогда трое – я в том числе – взяли чайник, фонарик и ведро и стали спускаться к реке.

Я забыл сказать, что внизу, у самой речки, был небольшой родник. Он был такой: бетонные кольца зарыты в землю, и тут же труба выходила из-под земли, и вода лилась прямо в это каменное кольцо.

И вот мы втроем идём за водой. Один светит фонариком, я несу ведро, за мной идёт парень с чайником. Мы прошли по извилистой тропинке метров 40 и стали поворачивать. И тут же я встал и дальше идти не мог.

В кустах, рядом с тропинкой, что-то такое шевелилось –

белое и большущее!

Там, наверху, на опушке, было ещё светло, а тут, у речки, в овраге, была сплошная темнотища.

Парень с фонарем шёл сзади за нами двумя и подсвечивал, куда нам идти.

Я стоял и стоял. Тот, что за моей спиной шёл, выглянул и посветил фонариком. Потом мы ещё несколько шагов сделали вперёд, но ничего не увидели.

Сердце у меня просто прыгало. Я-то ведь точно видел нечто белое, что там шевелилось!

Ладно, пошли дальше. Спустя минуту подошли к роднику. Парень светит фонариком в родник, но так как родник пониже находится, то мы его не видим и всё делаем на ощупь. А тут ещё всё мокрое вокруг, скользкое.

Я опустил ведро в воду, в кольцо бетонное, а как оно стало тяжёлое, стал тянуть на себя.

И тут я понял, что вытянуть ведро не могу. Я его раз дёрнул, два... Оно вроде бы поддаётся, но тут же его словно кто-то тянет обратно. Я опять пытаюсь тащить... А оно ни в какую. И тут меня страх пробрал, я закричал, бросил ведро и выскочил на тропу.

И вот стоим мы втроем метрах в пяти от этого родника, ребята спрашивают, что случилось, а я отвечаю, что не знаю. Говорю, что словно бы кто-то там сидит в роднике и не отдаёт ведро.

Парень с фонарём смелым был, говорит, да ладно, чего

там, давай посмотрим, – и фонарик свой направляет прямо в кольцо. Да уж, с фонарём оно как-то спокойнее! Он начинает подсвечивать в родник, и мы видим, что бетонное кольцо полностью заполнено водой, плавает в нём моё ведро, почти заполненное водой. Парень дотянулся, взял ведро, вытащил. Потом мы ещё посветили вокруг, но никто ничего не увидел.

Наверх добрались быстро, хоть и в гору с ведром воды. И с нехорошим чувством, что внутри нас.

А наверху, в лагере, было ещё хуже. Просто страшно было. Лица у всех такие серые, глаза большие... А всё почему? Поздно уже было, девчонки пошли в палатку спать и увидели, что рядом кто-то – весь в белом – ходит. И молча так ходит, ни звука не издаёт.

Увидели это наши девчонки и с криком к ребятам прибежали. Никто не захотел пойти и посмотреть, что это такое им почудилось. А вдруг не почудилось? И тут же вспомнили про разговоры о привидениях. Потом храбрости набрались и толпой побежали к палаткам. Не стали близко подходить, издали попробовали в темноте что-то такое разглядеть. Ничего не увидели.

А тут как раз мы приходим, с водой. Появилось хоть какое-то развлечение. Поставили воду на костёр, стали чай варить.

Пока варим, мы им рассказываем свою историю, они нам – свою. Кто-то сказал, что такое уже видел, и это были привидения в белом, и они хватают людей, куда-то уносят. Стало

ещё страшнее. Спать уже никто не мог. Да и как тут уснёшь, если рядом бродит что-то?

Руководители наши, наверное, с проверкой задержались. Мы оставались одни. Было очень нехорошо. Спина замерзала. Сердце колотилось.

Время уже перевалило за полночь.

Пока чай варили, в течение получаса или минут сорока, ничего не происходило. А тут и чай подоспел.

Чай – в походе штука важная. Надо подождать, пока целое ведро воды закипит. Потом туда высыпается пачка чая. Потом сидим и смотрим, как она там заваривается. Пока смотришь, закипел – не закипел, туда, в чай, попадают ещё и угли горящие. Поэтому чай получается с дымком. Кипяток один. Даже бурлит.

Сняли ведро с огня, поставили, каждый стал зачёрпывать своей кружкой.

А дальше было так. Я сижу и смотрю на огонь. Этим делом можно долго заниматься. Огонь прыгает, искры летят, всё такое прочее... Напротив меня сидит парень и смотрит на меня через костёр. Я видел, как шевелятся его губы, потому что он что-то рассказывал соседу.

И тут я вижу, что парень просто обмер. Я смотрю на него, хочу ему сказать – ты чего? Да только и на меня что-то нашло!

Так мы и сидим: я смотрел на него, он вроде как на меня. И тут я понимаю, что он держит горячий чай, его кружка

наклонилась, горячая жидкость льётся ему на ноги... А он этого вроде как и не понимает! Сидит и всё смотрит на меня.

Я, понятно, испугался. Подумал, что, может, со мной что-то не так. Но присмотрелся и понял, что парень-то смотрит не на меня, а ЗА МЕНЯ. И он что-то видит такое, чего никто не видит, потому что все заняты чаем. Кто ложку ищет, кто сахар...

Здесь только двое – он и я, – кто понимает, что что-то не так. Мне жутко стало, и я медленно стал поворачиваться назад. А как повернулся, то и увидел, что у палатки стоит высокое существо, всё в белом. Костер полыхает то ярче, то темнее. И фигура от этого такая страшная стала, словно не из нашего мира.

Я тут же понял, что это и есть то самое светлое пятно, что я видел, когда мы втроём шли за водой. Наверное, девчонки видели то же самое.

И тут я слышу жуткий крик! Это подняли визг девчонки, увидев белое это. Крик был страшный. Он меня напугал ещё больше, чем белая фигура.

Тут все повскакали с ног, стоят и дрожат. Потому что страшно!

Потом всё-таки мы стали потихонечку подходить к палатке. Подошли к ней, кусты осмотрели. В сами кусты забираться побоялись. Если бы мы до этого не рассказывали о страшном, то и не испугались бы, может быть. Но после всех этих историй о привидениях...

Словом, мы больше ничего не увидели, вернулись к костру, подбросили в огонь дрова, решили, что надо поддерживать огонь.

Проходит ещё минут двадцать.

Вдруг кто-то начинает кричать. Я понял, что он увидел, как по полю идёт кто-то. Мы выскакиваем, пробегаем несколько метров, выскакиваем на опушку, и перед нами открывается поле и горизонт. Тут как раз поднялась луна и осветила поле таким бледным светом, что стало совсем страшно.

Я вижу, как по краю горизонта идёт что-то похожее на человека. Только без головы. Высокий, безголовый, в светлой одежде... И так медленно передвигается. То вдруг начинает исчезать. А то появляться. И наконец совсем исчез с тропинки, и всё.

Вернулись снова к костру. Молчим, потому что говорить не о чем. Кто-то уже начал плакать, маму звать. Кто-то предложил отправиться искать наших руководителей, да где их искать... Где тот дом отдыха, куда они ушли узнать, как там дела? Какие дела?

Времени было уже часа три ночи. Минута шла за минутой. Кто-то снова видел фигуру в белом. Кому-то привиделось, что нечто летало по воздуху. От всех этих рассказов стало ещё хуже.

Однако усталость нас одолела. Стали расходиться по палаткам, группами по несколько человек.

У костра оставалось человек восемь, и я тоже.

Помаленьку стало светать, было уже часов пять. В деревне за рекой пропели первые петухи. Кто-то из ребят сказал, что если петухи пропели, то вся нечистая сила уходит.

Только мы стали успокаиваться, как снова увидели это белое! Я его первым увидел. И тут же закричал.

Оно замерло, но всё равно было заметно, что шевелится.

На мой крик подбежали несколько ребят, каждый захватил кто топор, кто палку, кто ещё что. И, не сговариваясь, развернулись цепью, как в кино про войну, и побежали. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее – и прямо на это привидение.

Тогда оно стало от нас уходить в сторону кустов. Но мы уже были рядом! Это было что-то такое бесформенное, большое...

Кто-то замахнулся палкой, чтобы вдарить по нему хорошенько. И тут раздался идиотский смех. Вся эта белая штука начала расползаться, свалилась на землю, и над ней остались стоять двое наших ребят.

Оказывается, это они заранее, ещё до похода, сговорились подшутить. Пошили себе мешок из старых простыней. И с вечера нас заводили разговорами о том, что есть такие привидения, колдуны, ведьмы... А потом сами же незаметно отходили, наряжались в это белое, появлялись пред нами. И быстро уходили за куст, снимали с себя белое и смешивались с другими ребятами, которые выбегали искать это привиде-

ние.

Вот так все эти странные проявления вокруг нашего лагеря стали понятны.

Но я всё никак не мог понять: а что они делали в роднике? И я стал допытываться. Ребята были удивлены. Сказали, что про родник ничего не знают и так далеко от лагеря они не отходили, а единственное, что делали, – пытались полем пройти, показать себя подальше от лагеря.

До самого рассвета я переживал: кто же там сидел в роднике и не отпускал ведро?

Было часов восемь или девять, когда все проснулись. Все зевали, потому что никто толком этой ночью и не спал.

Мы взяли ведро и пошли снова за водой для кофе и какао. Это варили по утрам, а чай – вечером.

Заодно хотелось посмотреть, что же там такое сидит.

Подожли, смотрим. Ничего особенного не было.

Я решил снова ведро в воду запустить, как вчера. Начал зачёрпывать ведром из бетонного кольца – и снова ведро кто-то тянет назад!

Посмотрел – а это арматурный прут отошёл в кольцо и цепляется за ведро!

После этого, когда всё выяснилось, что это за белые привидения и что за чёрт в воде, тогда мы весь день смеялись друг над другом. Вспоминали, кто как испугался, кто что стал говорить.

А когда уже к обеду вернулись из дома отдыха наши руко-

водители и спросили, всё ли тут у нас в порядке, то услышали три десятка самых разных ответов, причем одновременно: от того, что всё было очень плохо и очень страшно, до того, что очень хорошо и очень весело.

Я хорошо провёл это лето. Хочу, чтобы и на следующий год было так же интересно мне с моими друзьями со двора.

Моё открытие Югославии

Вы помните СЭВ, как помню его я? Нет, это не ФИО, и даже не ООО, и тем более не НКО.

СЭВ – Совет Экономической Взаимопомощи, куда входили страны социалистического лагеря: Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. СЭВ – это была такая альтернатива ЕЭС – Европейскому экономическому сообществу, предшественнику Европейского Союза. Затея была замечательная и работала что надо, приказала долго жить только по причине всеобщей забывчивости.

Под забывчивостью я имею в виду забвение того хорошего, что объединяло эти страны в прошлом.

Память... Всё, что осталось от этого единства. Да и ту пытаются вывернуть наизнанку.

Моя память говорит мне, что прошлое никуда не уходит. Оно стоит в сторонке – пока. И ждёт удобного момента, чтобы о себе напомнить...

Почему я не хочу дожить до тех времён, когда общая память о себе напомнит забывчивым? Почему я не завидую тем, кому выпадет жить в том времени, когда прошлое вернётся и встречать его придётся совсем не хлебом-солью?..

1974 год.

Московский энергетический институт.

А в нём – «обменная практика». Её обычно проводили летом. В нашем институте собирались группы – обычно человек по десять – и отправлялись в зарубежные поездки. А из этих стран, в свою очередь, приезжали такие же группы в Москву.

Понятно, что слово «практика» не означало непременно некую трудовую деятельность. Для этого существовали стройотряды. «Обменная практика» означала знакомство со страной и отдых в самом его активном виде.

Во все страны социалистической ориентации наши студенты выезжали без проблем. Была только одна, как гвоздь в ботинке...

Если лагерь социализма рассматривать примерно как пионерский, то Югославия в нём находилась на отшибе, со своей палаткой и собственным режимом дня. Даже в СЭВ она входила в статусе «ассоциированного члена»: то ли её туда затащили, а она упиралась, то ли сама нехотя пришла и устроилась на отдельном стуле. Югославию вообще считали какой-то не совсем социалистической, но одновременно и какой-то недокапиталистической. Высокие материи меня мало интересовали, знал лишь я, что выезд в эту страну на Балка-

нах всегда был сопряжён с дополнительными трудностями. Когда проходил все инстанции, у меня было такое ощущение, что отправляюсь я не с туристическими целями, а меня забрасывают во вражеский тыл, причём абсолютно уверены, что я буду пойман, и будут меня долго допрашивать, и я должен буду на все вопросы ответить без запинки, чтобы с честью погибнуть.

Итак, летом 1974 года в МЭИ собрали группу из десяти самых достойных, специально отобранных путём долгих опросов для того, чтобы достойно отработать «обменную практику», а заодно и собственными глазами убедиться в реальности существования Югославии. Нашу группу возглавил декан нашего факультета Ефремов Иван Семёнович (бывший рабфаковец). В группу также вошёл секретарь партбюро факультета Ильяшенко Леонид Алексеевич. Был ещё кто-то из комитета комсомола института. Две студентки не с моего факультета. И с моего – пятеро ребят, включая и вашего покорного слугу.

А в июле мы уже принимали у себя в МЭИ такую же группу из десяти югославов. К немалому нашему удивлению, все они оказались студентами, все молодые крепкие ребята, желающие познакомиться поближе с нашей страной.

Для проведения «обменной практики» мы подготовились хорошо. Вначале устроили им поездку в Ленинград, затем на Воронежскую АЭС, было несколько экскурсий по Москве: водили их в Оружейную палату, в Алмазный фонд. В по-

следний вечер посидели в ресторане «Арбатский». А до этого ещё и провели футбольный матч. На малом футбольном поле, в роли которого выступила хоккейная площадка. Помню ещё, ворота были какие-то странные. Для регби, кажется. Было лето, наши лучшие футболисты разъехались кто куда, но нам удалось сколотить команду. Играли минимальным составом – пять на пять. В нашей команде оказалось два парня, которые играли хорошо, нет, даже очень прилично. Настолько прилично, что в результате мы у наших соперников выиграли со счётом 9: 5.

Всё бы хорошо, только вот мне показалось, что югославы не рассчитывали на проигрыш. Более того, мне показалось, что они подумали, что мы просто-таки обязаны им проиграть. И сурово так пообещали устроить матч-реванш, когда мы приедем к ним в Югославию.

Июль пролетел, как один день. В начале августа мы заняли места в поезде и поехали маршрутом Москва – Белград.

Белград встретил нас хорошей погодой и полным отсутствием на вокзале встречающих. Пока мы их часа три ждали, то от нечего делать слонялись по перрону. Пока не набрали на нечто такое, что сразу убедило нас в том, что Югославия – страна, на СССР совсем не похожая.

Сейчас это, конечно, выглядит глупо. Точнее, забавно. Но тогда, когда мы подошли к газетному киоску... Одна из витрин в нём была сплошь заставлена журналами с голыми дамочками в игривых позах. Причём они чувствовали себя со-

вершенно спокойно, в отличие от нас. Ещё бы! Они ведь абсолютно не были скованы никакой одеждой... Короче говоря, мы смущённо пересмеивались и стояли переминаясь, отводя глаза друг от друга. Вторым шоком стало посещение платного туалета. Похоже, мы начали открывать для себя Европу, но всё время с какой-то не той стороны...

Тем не менее принимающая сторона лицом в грязь не ударила. Югославы возили нас по стране с таким рвением, словно старались обставить нас. Мы посетили Загреб, Любляну...

В конце концов нас привезли на берег Адриатического моря. В город Макарска, в спортивный лагерь от их университета.

Замечательное местечко, надо сказать! На берегу моря, в хвойном лесу... Воздух такой, что голова кружится от восторга.

Поселились по несколько человек в бунгало, и...

Описывать отдых на берегу моря в молодёжном туристическом лагере... Да ещё на Адриатике!

Это – отдельная история. Это нужно даже не рассказывать, а петь. Однако насчёт слуха у меня труба. Так что изложу события прозой.

Мы восторженно бросались в морские волны днём и ночью. Изумрудный прибой выплёскивался на песчаный берег и стирал следы наших ног. Мы плескались в море – может быть, в самом чистом и прозрачном море на свете – и днём,

и ночью. Уговаривать не требовалось.

Был тут, правда, один момент... Там, справа, за скалами находилось то, что вызывало у нас чувство смущения, вроде того, что мы испытали, разглядывая журналы с откровенными обложками на витрине вокзального киоска. Я говорю о нудистском пляже. Из наших только двое отважились ходить туда постоянно, преодолев смущение, а может быть, даже и не испытав его, а восприняв это голое место как экзотическую часть природы. В конце концов, нельзя же считать нудистский пляж идеологической диверсией со стороны югославы!

Позже, в сентябре, когда нас отправили на картошку и привезли в сельскую баню, все однокурсники испытали культурный шок, узрев обоих наших парней загорелых от... Затрудняюсь сказать, от чего и до чего, но были они бронзовые абсолютно все, что вызвало массу вопросов и подначек.

Помимо моря была и культурная программа, из которой мне больше всего запомнился просмотр фильма «Кум», который у нас на экранах появился лет двадцать спустя. Под названием «Крёстный отец».

Всё бы хорошо, только вот с едой было как-то скудно. Завтрак – две маленькие плоские лепешки с маслом и джемом, два куса хлеба и чай. И всё. Обед заключался в жиденьком бульончике с мелкими макаронками, какое-то невыразительное второе блюдо и компот. Как югославы жили на таком рационе – оставалось только удивляться. Хорошо хоть, что у нас с

собой «было»: как опытные туристы, мы подготовились основательно. Помимо национального спиртного напитка каждый из нас захватил ещё консервы, печенье и колбасу.

Югославы, памятуя свой проигрыш в футбол, пригласили нас участвовать в местных соревнованиях. Получилось событие международного масштаба. Футбольный турнир с участием четырёх команд: Югославия, Италия, Польша и СССР.

Вначале мы играли с итальянцами. Играли трое на трое, на баскетбольной площадке, где были установлены маленькие хоккейные ворота. Итальянцев мы обыграли только так, влёгкую. Югославы обыграли поляков. Получилось, что в финал вышли мы и югославы. То ли они поддались нам, проявив учтивость, то ли ещё что... Команда у них была сильная. Но мы выиграли со счётом 6: 5.

А вот затем, на волне задора, мы предложили устроить шахматный турнир. Четыре на четыре. Бедные югославы! Знали бы они: в нашей команде было два кандидата в мастера спорта по шахматам! Азаров Борис и Ильяшенко Леонид. Короче говоря, не прошло и четверти часа после начала турнира, а наша команда вела уже 2: 0. Затем наш главный комсомолец проиграл, и счёт стал 2: 1.

Получилось так, что встреча заканчивалась на моей партии. Играл я, прямо скажем, так себе... Но отсутствие мастерства пытался компенсировать хитрой стратегией. Долго думал над каждым ходом. В конце концов избранная мной стратегия себя полностью оправдала.

Дело в том, что моим противником оказался барабанщик местной поп-группы, каждый вечер игравшей на танцах. День клонился к вечеру, на танцплощадку потянулся народ. Слышно было, как они топают, требуя начала танцев. Барабанщик смотрел на меня так, словно готов был слопать живьём. Но я упорно держался своей стратегии, и... И вот мой противник, выведенный из себя моей задумчивостью, зевнул одну фигуру, другую и... разведя руками, положил на доску короля. Чистая победа! Хотя и не без хитрости.

Но на следующий день уже мне пришлось пережить довольно курьёзный неприятный момент. Югославы, горя желанием отыграться за проигрыш в футбол и шахматы, предложили сыграть с ними в баскетбол.

Ха! Вот как раз в баскетбол-то, как мне казалось, я играл хорошо. Выступал за класс, за школу, за курс и даже был в запасе сборной команды факультета.

Не теряя времени, я тут же уговорил ребят сыграть в баскет с югославами.

Нам крупно повезло, что с утра мы пришли на их тренировку, решив посмотреть, что собой представляют наши соперники. Когда я увидел их на баскетбольной площадке, то понял всю свою ничтожность. Да-а-а... Я увидел сборную Белградского университета. Причём несколько парней играли за Югославию на международных чемпионатах. Эти ребята были не ниже двух метров роста. А что мы... Я – самый высокий, и то только 186 см.

Мои товарищи тут же развернулись и ушли. А мне югославы предложили размяться с мячом в тренировочном матче. За двадцать минут беготни по площадке мне всего пару раз достался мяч. И я, к своему стыду, поспешил ретироваться.

На следующий день мы должны были возвращаться в Белград. Расставание отметили с размахом. Извлекли все свои запасы, югославы расстарались – и тоже понатащили выпить-закусить.

Вечер прошёл чудесно. Где-то неподалёку плещется море. А рядом – мои товарищи и братья югославы, которые, кажется, так расчувствовались, что отпускать нас не хотели...

Как жаль, что всё хорошее – преходяще. Спасибо Творцу, что хотя бы подарил нам память, а в ней – уголок для хранения воспоминаний. Одни воспоминания радуют, от других – комок в горле, от третьих – слёзы в глазах...

Итак, мы вернулись в Белград, где занялись практикой. То есть экскурсии пошли «по профилю»: посетили очень большую ТЭЦ, которая давала тепло и электроэнергию огромному городу. Помню ещё, что нашу группу привозили в местный сельскохозяйственный кооператив, что-то вроде наших тогдашних колхозов. Такого вкуснейшего и ароматного молока и сметаны, которыми нас там угощали, я больше никогда и нигде не пробовал. Показывали нам возделанные поля, зелёные грядки на фоне гор в голубоватой дымке... Пейзажи Югославии отпечатываются в памяти и хранятся в ней, как

открытки в альбоме.

И вот наступил последний вечер нашего знакомства со страной. Югославы – то ли по собственной инициативе, то ли памятуя, как мы их угощали в последний день, – пригласили нас в ресторан: отметить отъезд.

Видели бы вы, как выглядела наша делегация, когда все собрались! Чёрные костюмы, белые сорочки, тёмные галстуки, чёрные ботинки. Традиционное облачение советского туриста, приглашённого на встречу с иностранными друзьями на их территории. Ничего лишнего. Никакой раздражающей детали. Вспоминая нас в тот день, могу сказать, что в таком виде мы могли бы присутствовать на любом мероприятии – от свадьбы до поминок. Но тогда любое отклонение от неведомо кем утверждённого стандартного облика советского человека за рубежом воспринималось если не как проявление инакомыслия, то уж точно как вызов всей системе.

Во что были одеты наши девушки, я уж и не помню... Кажется, на них было что-то яркое. Вероятно, женское начало в них возобладало над общественным, и они решили, что называется, блеснуть.

А затем нам пришлось пережить шок. Не так чтобы очень сильный, но ощутимый.

Улица, где находился ресторан, походила на наш нынешний Арбат. Собственно, это была даже не улица, а большая пешеходная зона. Ни одной автомашины. Зато от края до края – полным-полно людей, словно бы кто-то специаль-

но заранее оповестил горожан, что именно в этот день и час всем надо было быть именно здесь. Люди шли и шли нескончаемым потоком. Это мне тогда сначала показалось. Теперь-то понятно, что все они просто прогуливались из одного конца улицы в другой. Причём все окружающие были одеты очень просто – и ребята, и девушки носили яркие майки с короткими рукавами и джинсы: потёртые, рваные, мятые... И вот через этот людской океан, извиваясь змейкой, молча пробиралась наша делегация, вызывая недоумённые взгляды окружающих.

И тем не менее настроение было отличное. Ресторан оказался даже не ресторан, а скорее кафе. В окружении плетёной изгороди, больше похожей на что-то сельское, чем на городское, под тентом стояло с полтора десятка столиков в окружении густых цветущих кустов. Так как нас с югославами было человек двадцать, то в центре кафе для нас сдвинули столы, за которыми мы и расположились.

...Первую здравицу в нашу честь произнёс руководитель принимающей стороны – югославский профессор. Говорил, что Россия и Югославия, наши институты, наши страны, наши люди, наши мысли... И всё в том же духе, как и положено в таких случаях.

Все выпили.

С нашим советским алаверды выступил Ильяшенко. Он тоже выдал массу хороших слов. Потом ещё кто-то говорил. Всё было очень трогательно, временами накатывало щемя-

щее чувство...

Очередь произносить тост добралась и до меня. Я встал, осмотрел наши столы, увидел эти разные лица – знакомые, малознакомые и вообще незнакомые, мне почему-то расхотелось говорить казённые слова, хотя и правильные.

И я рассказал, что восхищён этой замечательной страной, что меня переполняет восторг от того, что все мы здесь сидим, рядом, и что это – символ дружбы между народами...

Рассказал о том, что в 1944 году мой отец в составе 4-го механизированного гвардейского корпуса генерала Жданова освобождал Белград, что отец удостоен нескольких орденов, в том числе ордена Красной Звезды, и на счету его батареи – пять сбитых самолётов противника.

А в заключение я провозгласил тост за дружбу между нашими народами.

Пока я говорил, во всём кафе стояла полнейшая тишина, и было только слышно, как лёгкий ветерок шевелит ветви цветущего кустарника.

А когда я замолчал, громкие возгласы сотрясли все кафе!
– Ура!

– Bravo!

В едином порыве все встали и выпили.

...Вечер продолжался.

Спустя несколько минут меня осторожно тронули за плечо. Я обернулся и увидел официанта с подносом. А на подносе – бутылку коньяка и две рюмки. Рядом с официан-

том переминался с ноги на ногу какой-то мужчина. Официант, используя международный язык жестов и какие-то общеславянские слова, сказал, что этот человек желает поздравить нас, благодарит, хочет разделить нашу общую радость и предлагает выпить по рюмке.

Не дожидаясь моего согласия, официант ловко плеснул в рюмки коньяк. Что тут делать? Не отказываться же... Мы с ним выпили, обнялись, а бутылка отправилась к нам на стол.

Кажется, угощавший меня заранее позаботился и о музыкальном оформлении своего поздравления. Зазвучала музыка: сначала «Катюша», потом «Подмосковные вечера»...

Мы продолжали веселиться.

Прошло минут пять, как вдруг рядом со мной словно из-под земли вырос всё тот же официант. И всё повторилось: поднос, коньяк, поздравления... Правда, поздравлявший был уже другой.

Мы снова выпили, обнялись, а бутылка переключевала к нам на стол.

В течение вечера ЧЕТЫРЕ бутылки коньяка оказались у нас на столе.

Как-то незаметно наш праздник стал общим праздником всего этого милого белградского заведения. Все пели, проносили тосты...

Словом, настоящее братство народов в его простом застольном варианте, когда все равны, никто не выше и не ниже, и с каждым глотком дружба только крепчает.

В конце вечера ко мне подошёл Ильяшенко и, почему-то смущаясь, сообщил, что его пригласили на некое шоу, но один он туда не поедет, потому что неизвестно ещё, что это за самое шоу. И с ходу предложил мне отправиться вместе с ним.

Туман в голове сыграл свою роль, я радостно, не задумываясь ни о чём, тут же поднялся, и мы покинули уютное кафе, оставив наших коллег догуливать.

Двое югославов, пригласившие Ильяшенко, кажется, не имели ничего против моей персоны. Мы вчетвером сели в авто, и нас куда-то повезли. Ехали минут пятнадцать по тёмным улицам. Наконец приехали.

Я так и не узнал, как называлось это заведение. Даже толком не помню, как оно выглядело снаружи. Внутри я увидел довольно большой зрительный зал, белые скатерти столиков и небольшую сцену. Югославы тут же пригласили нас поближе к ней и усадили за столик. Получилось, что я едва не упирался коленями в низкую рампу.

Не успели мы с Ильяшенко опомниться, как югославы заказали пару бутылок сухого вина и к ним – что-то из фруктов и орешки. Символическая закуска, одним словом.

Атмосфера в зале царила самая расслабленная. Мы сидели, перебрасываясь какими-то словами, я даже не помню о чём. Знаете, бывают такие застольные разговоры, которые согревают душу в процессе, а потом едва вспомнишь, о чём и речь-то шла.

Народу в полутёмном зале было немного. Меня поразил странный аромат, витавший в воздухе. Вероятно, он шёл из кондиционеров. Факт в том, что аромат этот странным образом обволакивал сознание и волновал, пробуждая смутные чувства и желания.

На сцену выбежал народный квартет и спел что-то залихватское. В зале смеялись и хлопали. Затем на сцену начали один за другим выходить танцовщицы, акробаты, фокусники, жонглёры... Между столиков дефилировали несколько дам, предлагая цветы и какие-то сладости. Словом, классическое варьете.

Оставалось ждать. Чего? Я и сам не знал, только что-то предчувствовал.

В какой-то момент небольшой ансамбль, обосновавшийся в углу сцены, ожил. Барабан начал выдавать дробь: сначала тихую, почти неслышную. Это походило на приближающуюся грозу. Дробь звучала всё сильнее и сильнее. Затем барабан внезапно замолчал. В полной тишине зазвучала мягкая – совершенно особенная – музыка.

И на сцену вышла женщина. Она была сказочно прекрасна. Одета в очень пушистую шубу, судя по всему, из невероятно лёгкого, почти воздушного меха небесно-сиреневого цвета.

Женщина мягко двигалась по сцене, совершая грациозные движения руками. Её движения буквально гипнотизировали и притягивали к себе всё внимание всего зала.

Зал напрягся в молчании.

Красавица развернулась каким-то особенно изящным образом и одним незаметным движением сбросила шубу на стул с ажурной спинкой, стоявший посреди сцены. Оказавшись в одном длинном пеньюаре, танцовщица плавно перемещалась вдоль рампы, вращаясь и заставляя пеньюар обтекать её стройное тело. В такие мгновения край её тонкого и длинного одеяния касался моего лица.

Я буквально примёрз к стулу. В такой атмосфере мне бывать не приходилось: эта сладкая музыка, дурманящий аромат воздуха, полумрак и сам образ танцовщицы будоражили моё воображение. Я был весь возбуждён. Кровь прилила к моей голове. Сидевший рядом Ильяшенко громко засопел и сообщил мне сдавленным голосом, что он ещё и не такое видел в Швеции, куда ездил для изучения новых технологий в области промышленной энергетики.

Я тогда подумал: «Хорошо ему, он хотя бы в Швеции был... А я-то нигде – кроме фото в газетах и телепрограммы „Международная панорама“ – иностранную жизнь в таком разрезе и не наблюдал!»

Тем временем представление перешло в новую стадию. Красотка на сцене потихоньку скинула свой пеньюар и оказалась в купальнике. Купальник был отдельный, с нашитыми на нём монетками. Когда танцовщица двигалась, монетки издавали мелодичный звон.

В следующее мгновение неизвестно как в её руках оказа-

лась длинная лента, с которой она принялась обходить зал. И вела себя при этом довольно фривольно. Присаживалась на колени к мужчинам, кого-то в щёчку целовала, обнималась...

Таким манером она обошла весь зал. Удостоив вниманием и наш столик: нежно погладила по щеке одного из наших югославов.

Затем схватила за руку одного из мужчин, заставила его встать из-за столика и вывела на сцену. Музыка сменила темп. Теперь это было что-то бравурное, едва ли не марш.

Женщина на сцене начала кружиться в танце с кавалером – тем самым, которого выхватила из зала. Она откровенно прижималась к нему всеми частями тела. Раскалившийся от возбуждения зал кричал. Даже мне, без знания сербского, и то было понятно, что публика требовала от кавалера содрать с партнёрши всю одежду.

Словно подчиняясь желанию зала, мужчина подцепил пальцем верхнюю часть купальника и потянул на себя. Его партнёрша на миг замерла, затем стремительно отстранилась. Купальник оказался в руках партнёра. А танцовщица резко дёрнула головой, и... Парик полетел за кулисы.

А дама... Дама оказалась мужчиной!

В зале творилось нечто неопишное: крик, свист, аплодисменты. Кто-то из тех, кого этот трансвестит целовал, плевались с отвращением. Но в целом было весело.

Что до меня... Мне показалось, что меня обманули так,

как никогда ещё в моей начинающейся жизни не обманывали. Внутри себя чувствовал опустошение.

...Утро последнего дня. Наша группа собралась в холле гостиницы. Поболтали и отправились на вокзал. Разместились в купе.

Я стоял у окошка. Было душно, и я опустил стекло.

Мимо проходили люди, царила обычная вокзальная суета. Какое-то движение привлекло моё внимание. Я увидел, что кто-то машет мне с перрона, зовёт к себе. Один был мне знаком – он был из числа наших провожающих. А второй... Его я видел впервые.

Он протянул мне бутылку коньяка. А знакомый мне югослав сказал, что его друг просит передать её моему отцу.

Я был настолько потрясён, что едва не выронил бутылку из рук. Они ещё говорили какие-то слова благодарности, что-то о войне, о жертвах...

Потом мы обнялись, и они ушли.

Поезд покинул вокзал. Потекли томительные часы ожидания встречи с родным домом.

Дома я распаковал чемодан и принялся раздавать сувениры. Маме зонт купил, с цветами, складной. И ещё – небольшой чайный сервиз. Мать и отец радовались, как дети.

А потом я достал бутылку коньяка и рассказал обо всём. И о проводах на вокзале, и о незнакомом человеке, и передал слова благодарности. Передал отцу бутылку...

Отец взял её, но тут же поставил на стол. Видимо, боялся

обронить от нахлынувших на него чувств и воспоминаний. Я впервые в жизни увидел, как у отца задрожала щека и появились слёзы.

Какое было время!

Какая была дружба!

Какая была жизнь!

И как же мне было больно и обидно, когда в 1999 году войска НАТО бомбили Югославию. А мы не смогли их защитить. Извините нас, братья!

Верю, что больше такое не повторится.

Да живёт в веках российско-сербская дружба!

Живео векова руско-српског пријатељства!

Хет-трик Вовчика

Богатство... Ценности... Состояние...

Мы слышим эти слова каждый день, отовсюду и от всех. Эти слова стали такими привычными, что люди особенно и не задумываются над смыслом, который в них вкладывают.

Богатство духовное и материальное. Ценности подлинные и мнимые. Состояние души и банковского счёта. Всё смешалось и кажется неразделимым, но ведь это только кажется на первый взгляд. Для многих из нас первого взгляда достаточно, потому что на второй и последующие, на осмысление сути вещей и оценку ценностей нет времени, а если честно признаться – просто лень.

Вот мы и доверяем проводить оценку ценностей людям с телеэкрана или невидимым виртуозам интернетных рейтингов, гораздых составить нам прейскурант чувств, желаний, идей и мечтаний.

А ведь чтобы понять истинную стоимость жизни и всего, что её наполняет, можно всего лишь прикрыть глаза и вспомнить людей, чьи лица почти стёрлись в памяти и кажутся размытыми чёрно-белыми фотографиями...

В середине 1970-х годов я был студентом Московского энергетического института. Из всей пёстрой, стремительной и шумной студенческой жизни вспоминается обязательное для комсомольцев участие в майских и ноябрьских демонстрациях. Проходили они на Красной площади, и это было грандиозное действо. Понятно, что просто так в них участвовать было попросту невозможно, но со всей страны приезжали делегации и организованными группами проходили по брусчатке Красной площади, размахивая флагами, поднимая транспаранты и дружно скандируя патриотические лозунги.

Москва направляла на демонстрацию такие же организованные группы, как правило – от районов города. Мой институт считался (и считается!) очень важным для города и всей страны, поэтому студенты и преподаватели возглавляли колонну всего Калининского района (сейчас ему вернули исконное название Лефортово), где МЭИ располагался.

Во главе колонны шла группа знаменосцев, человек сто. Для порядка нас выстраивали в шеренги по шесть человек. Каждый в шеренге нёс флаг одного из цветов спектра. Со стороны это смотрелось очень красочно. А уж когда мы принимались этими флагами размахивать, так казалось, что по колонне струится радуга, спустившаяся с неба. Настроение в

такие минуты было преотличное. И не только от торжественной даты, а ещё и оттого, что ты молод, вокруг тебя твои друзья, у тебя прекрасно на душе, хочется веселья, веришь во всё лучшее, на окружающий мир смотришь с оптимизмом, и кажется, что так и будет всегда...

Думаете, мы просто так собирались в назначенный день, строились и с песнями шли на Красную площадь? Как бы не так!

Предварительно проводилась подготовка. Нас собирали какие-то ответственные люди, все с одинаково серьёзными лицами и почему-то все примерно одинакового роста и одинаково незаметно одетые.

Сначала эти люди объясняли нам важность мероприятия. Затем составляли списки и решали, кто за кем и с кем рядом марширует. Так что все мы знали свои шестёрки. И все понимали, что это для порядка и чтобы не затесался незнакомец со злым умыслом. Впрочем, нам тогда и в голову прийти не могло, чтобы кто-то подобное задумал.

Итак, в день демонстрации, ровно в шесть или семь часов утра, мы собирались около здания МЭИ, которое с 1934 года как стояло на Красноказарменной улице, так стоит и поныне и будет стоять, пока в мире есть электричество и надо его производить и уметь им пользоваться.

Собравшись, мы тут же разделялись на свои шестёрки и с песнями направлялись к Красной площади.

Но это было утром. А предыдущим вечером в общежи-

тии всегда проводился праздничный вечер. Заводила публику наша собственная институтская рок-группа «Чистая случайность». Понимаю, название звучит странно. Но это и понятно: музыкальная техника в СССР оставляла желать лучшего, звук был ужасен, о собственном звучании и речи не было. К тому же все московские самодеятельные группы играли одни и те же песни западных рок-групп, были волосаты и в купленных за бешеные деньги американских джинсах. Чтобы хоть как-то отличаться, придумывались заковыристые названия: «Удачное приобретение», «Дети папы Карло», «Рубиновая атака»...

Наша «Чистая случайность» состояла из трёх очень колоритного вида парней. 120-килограммовый басист, в шляпе, рубашке и подтяжках, весь взмыленный, наяривал на бас-гитаре, стоя рядом с огромной, как шкаф, колонкой. Как её таскали с выступления на выступление – я ума не приложу, ведь весила она изрядно. Соло-гитарист носился по сцене между колонками, извиваясь так, что со стороны казалось, будто ему за шиворот попал шмель. За остальной шум отвечал ударник, выбивавший из барабанов звуки атомной силы. Пели они, ясен день, на языке, отдалённо напоминавшем английский.

Весь институт эту группу обожал, и они это знали, поскольку на каждом выступлении их сопровождали полсотни неистовых фанатов. Они и мы, обитатели общежития, плотно набивались в комнату отдыха, коридор и холл. На-

род беззаботно отдыхал: пил, курил и танцевал. Дым стоял коромыслом, духота была страшная, приходилось открывать нараспашку окна – вне зависимости от температуры на улице. Танцевали, плотно прижавшись друг к другу, потому что места было мало. При этом умудрялись топтать так, что я удивляюсь, как здание общежития не развалилось после этих регулярных скачек.

Начинали веселиться около восьми вечера, танцы затягивались до одиннадцати. К этому времени студенты, уже достаточно выпив, носились счастливые и радостные, с покрасневшими лицами. В тот день я веселился, как и все, пока не увидел Вовчика. Судя по выражению его лица, Вовчика мучили какие-то вопросы, которые он в одиночку решить никак не мог.

Вовчик... Он пришёл в МЭИ с рабфака. Был при советской власти такой путь получения высшего образования теми, кто действительно хотел потом работать по специальности. Отслужив в армии рядовым, молодой человек возвращался на родной завод – или другое место работы, – где получал направление в институт на подготовительное отделение. Вот это отделение и называлось рабфаком. Ребята здесь учились, вспоминая школьный курс целый год, а затем без экзаменов поступали на первый курс.

Чтобы было понятно дальнейшее повествование, напоминаю, что обычный студент был семнадцатилетним выпускником средней школы. А вот некоторым рабфаковцам стук-

нуло уже лет по двадцать пять... Как, например, Вовчику.

Внешне он выглядел совсем юным, такой весь кругленький, невысокий... Отличался он поразительной добротой и отзывчивостью. Весь просто-таки лучился, улыбался, расшаркивался...

Студенты и студентки обожали его за кроткий нрав и безотказность: Вовчик всегда готов был прийти на помощь, хотя ему тяжело давалась учёба. И не только потому, что подзабыл школьный курс алгебры, но ещё из-за того, что приходилось ему по жизни идти самому. Родители помочь не могли, потому что сами были в возрасте и работали в совхозе. Вот Вовчик и крутился, как мог, добывая свои несколько рублей к стипендии, трудясь разнорабочим в буфете при Доме культуры: таскал ящики с пивом, разгружал, помогал... Благодаря ему и нам перепадал случайный заработок, а с ним – по бутылочке пива.

Корни Вовчика были в Калининской области (ныне Тверской). Родом он был из деревни под древним русским городом Бежецком. Уж не знаю, кто ему внушил представление о том, как должен выглядеть горожанин, но он был уверен, что город населён исключительно интеллигентными людьми. А главным признаком интеллигентности Вовчик полагал наличие шляпы и галстука.

Оказавшись в Москве, Вовчик немедленно обзавёлся этими предметами одежды. В шляпе и галстуке он появлялся всегда и везде, в любую погоду, в любое время дня и но-

чи. Надо заметить, что тот, кто рассказал ему про обязательность ношения шляпы и галстука в городе, видимо, забыл упомянуть о том, что они хоть как-то должны сочетаться друг с другом. Поэтому рубашки Вовчика были в клеточку и горошек, цветовая гамма была самая разная. Но при этом всегда был галстук – один и тот же. С этими предметами Вовчик никогда не расставался, снимая шляпу только когда играл в футбол или уж в совсем жаркую погоду.

Ещё одна интересная деталь: за все четыре курса, что мы уже отучились, Вовчик покидал институт и общежитие только ради поездки в родную деревню. Никто и никогда не видел, чтобы он отправился в другой район Москвы или за город. Вот так.

Однако вернёмся в наше общежитие. Было уже около одиннадцати, когда я в коридоре наткнулся на Вовчика, стоявшего одиноко посреди разгулявшейся толпы студентов: бегающей, прыгающей, гудящей, курящей, пьющей, кричащей, танцующей... Веселье било фонтаном.

Вовчик был уже в изрядном подпитии, когда я его окликнул. Он был рад тому, что его хоть кто-то заметил. Человек он был хороший, душевный, но... Но поговорить с ним было некому. Поэтому он радовался всякий раз, когда кто-то обращал на него внимание.

И, не дав мне опомниться, Вовчик тут же выложил мне свою проблему. Деваться было некуда, я стоял и слушал.

Вовчик сообщил, что собрался в Ленинград. Если до это-

го я слушал его вполуха, то это неожиданное известие меня живо заинтересовало. Чтобы Вовчик – да не в деревню и даже не в Сокольники, например, а в другой город, да ещё такой большой, как Ленинград... Это казалось удивительным.

Понятно, что я засыпал его вопросами: почему в Ленинград, а не в свой Бежецк, и так далее.

Вовчик поведал мне, что в Ленинграде проживает его дядя. Что этот дядя был в его деревне с месяц назад, когда Вовчик приезжал к родичам починить прохудившуюся крышу дома, и что этот дядя сказал, что когда будешь в Ленинграде, то приходи в гости.

Придя в себя, я спросил у него, оставил ли дядя адрес или хотя бы номер телефона. Вовчик, лучась улыбкой, сказал, что, дескать, дядя меня позвал и будет рад.

Мне, грубому городскому жителю, стало ясно, что человек просто так к слову брякнул о приглашении, возможно, за рюмкой водки, и слова его ничего не стоят. Я попытался донести эту мою мысль до Вовчика. Но тот уже туго соображал от выпитого, и я понял, что переубедить его, по крайней мере сейчас, невозможно. Чтобы предотвратить внезапный его отъезд и тем самым уберечь его от опасностей, которыми полон окружающий мир, о котором этот добряк так мало знал, я тут же направился в его комнату, нашёл галстук и куда-то спрятал. Искренне надеясь, что без галстука Вовчик поостережётся покидать Москву, потому что без галстука даже тёмной ночью он из общежития выйти не мог.

Праздник продолжался, и спустя полчаса я увидел шатающегося Вовчика, который ко всем приставал с вопросом: «Вы не видели мой галстук?» От Вовчика все отмахивались, и я успокоился.

В шесть утра мы, студенты, дрожа от холода, стояли у входа в институт, каждый со своим флагом. Построились. И тут же пережили шок, увидев, что шестого человека в шеренге нет! Надо ли объяснять, что отсутствовал именно Вовчик.

Мы тянули время, сзади напирали другие шестёрки, затем прибежали ответственные люди, которые нас стали пересчитывать и ругаться. Бедный Вовчик! В конце концов откуда-то привели постороннего парня и дали ему флаг Вовчика. Таким образом, наша шеренга была укомплектована. Мы прошли по Красной площади и вернулись в общежитие.

Это было седьмое ноября. Я уехал домой на праздники и вернулся спустя несколько дней. Можете представить мои чувства, когда я узнал, что Вовчика всё нет! Мы были очень взволнованы и обеспокоены, потому что за все четыре курса Вовчик не пропустил ни одного семинара, не говоря уж о лекциях и практических занятиях.

Лишь спустя ещё сутки в общежитии объявился наш Вовчик: в новом выглаженном костюме, с новым галстуком, в новой шляпе, чисто выбритый и даже подстриженный! Он совершенно преобразился.

Мы на него насели, требуя ясного и чёткого объяснения. И Вовчик поведал нам удивительную историю.

– Хотите верьте, хотите – нет, но дело было так...

«С танцев я тогда ушёл, поскольку принял твёрдое решение: еду к дяде в Ленинград. Зачем еду, на кой мне так срочно понадобилось его увидеть – я и тогда не понимал, и сейчас не знаю. Помню только, что вернулся в комнату свою за галстуком, потому что без него нельзя.

Было уже часов двенадцать ночи. Несколько раз обшарил всю комнату, но галстук словно в прятки со мной играл. Только, кажется, нашёл, а гляну – это тряпка какая-то.

Тогда решил, что будет не обидно кому-то из вас мне галстук на время одолжить. Поэтому я сунулся в комнату, что рядом, оказалось, что там никого нет, а галстук – вот он! – висит на спинке кровати и сам мне на шею готов броситься.

Я его тут же повязал, как положено, и ушёл. К тому времени, помню, танцы закончились, и все разошлись».

...Тут мы стали добиваться от Вовчика ответа, как он умудрился проскочить между двумя дежурными и вахтёршей. Ведь в 24:00 общежитие закрывалось, и не только на вход, но и на выход.

Вовчик заявил, что его самого до сих пор мучает эта загадка, но разгадки у него нет. Факт в том, что он очутился на улице.

«Как я добрался до Ленинградского вокзала, тоже толком не помню. Не помню, купил я билет до Ленинграда или сел, просто денег проводнику сунув. Все воспоминания ровно корова языком из головы слизнула!

Очнулся я, когда меня проводник растолкал. Поезд уже стоял на перроне Московского вокзала в Ленинграде. Это я потом только узнал, как его называют. А тогда... Тогда я вообще не соображал, где я, и что со мной происходит, и почему меня выталкивают из какого-то поезда.

Выпал я на перрон, в шляпе и галстукe, но сам так себя чувствовал, словно меня побили. В голове туман, с похмелья тяжёлого... С трудом, но попытался установить контакт с людьми. Все от меня шарахались, пока кто-то не сжалился и не объяснил мне, что я на вокзале, а вокзал называется Московским.

Меня слово «Московский» как-то успокоило поначалу, но когда я вышел на площадь, то увидел совсем чужой город! Не Москва, и всё тут! Чтобы людей не пугать своим видом, стал прислушиваться к тому, что они говорят. Вокруг слышалась родная русская речь. Это обрадовало. Но затем пришло осознание, что как-то и непонятно зачем оказался в Ленинграде.

Ребята, не поверите, но меня это успокоило! Великая вещь – знать, в каком городе ты оказался... И тут же понял, что страшно хочу пить. Сушило в горле ужасно. Пошарил по карманам и нашёл один рубль. Только один! И всё. Вспомнил про дядю, да что толку... Ведь адреса его у меня нет. Да и узнать его не смогу, потому что, как ни силился, не смог вспомнить, как дядю зовут по имени-отчеству. Лицо только помню.

Стал думать, что делать на рубль. Огляделся и понял, когда увидел под стеной вокзала жёлтую бочку с надписью «Пиво» на боку. Купил себе кружку свежего холодного пива, прислонился к стене и задумался, глядя на людей. По крайней мере минут пятнадцать я мог ни о чём не думать, попивая пиво.

А по улице валом валил народ, шла демонстрация. Все разодетые, с бумажными огромными гвоздиками, с флагами, лозунгами на кумаче... Меня даже слеза прошибла, когда я увидел всё это веселье и понял, что никому здесь не нужен.

Поднял я кружку, чтобы сделать последний глоток, как вдруг едва её не выронил от неожиданности. По улице шла шеренга, и во главе – мой собственный дядя! Я его облик сразу признал, хоть и тошно было донельзя.

Поставил кружку, бросился к тротуару, кричу, руками машу... Тут и дядя меня увидел. Как же он удивился! И рукой мне знаки подаёт: дескать, ты тут не торчи на людях, а отойди в сторонку и меня подожди.

Так вот я с дядей и встретился. Он меня привёз домой, накормил, переодел, мы сели за праздничный стол. И потребовал, чтобы я с ним оставался ещё несколько дней – он мне город покажет. А потом купил билет, и всей семьёй они меня провожали на том же вокзале, Московском...»

...Вовчик закончил, а мы стояли с открытыми ртами, не веря в такое чудесное совпадение. Случится же такое! Теперь я понимаю, что силы небесные – в благодарность за его

душевную доброту, что стала примером для прочих мирян, – выделили ему в помощь ангела-хранителя. Тот всё и устроил.

* * *

...Пролетел ещё год, мы перешли на пятый курс. Быть старшекурсником – значит обладать привилегией свободного времени, не столь забитого учёбой, как на курсах младших. Мы уже считали себя большими людьми, взрослыми. Мне уж исполнился двадцать один год.

А что наш Вовчик? Вовчику так вообще стукнуло едва ли не тридцать. Для нас он был человеком взрослым, даже как-то чересчур взрослым.

Внешне в жизни Вовчика ничего не изменилось. Всё так же по выходным он ездил в деревню, отвозя закупленные в городе продукты для родителей. И никто из нас не догадывался, что... Впрочем, обо всём по порядку.

Не помню, что это был за день, кажется, вполне заурядный. Но ознаменовался он событием чрезвычайным. Воспользовавшись тем, что мы собрались большой группой, Вовчик приблизился к нам, долго ходил вокруг с загадочным видом, наконец собрался с духом и выпалил:

– Ребята, я влюбился!

...Тут надо заметить, что состояние влюблённости характерно для студента. Мы все бегали за девчонками. Но чтобы

наш Вовчик... Олицетворение скромности, и вдруг – такие эмоции, да ещё вынесенные на публику! Что в нём тогда говорило? Распиравшая его гордость? Уверен, что по доброте и простоте натуры он сгорал от нетерпения нас обрадовать чудесной вестью.

Мы дружно настаивали на подробностях. Вовчик не стал ломаться и выложил всё как есть, без утайки.

В его деревне был клуб. По штату в нём положен был то ли массовик, то ль, как сейчас принято говорить, «организатор досуга». Место это долго пустовало, пока в Вовчикову деревню не распределили выпускницу училища, девчушку лет восемнадцати. Она оказалась на диво шустрой, поняла, что молодёжь села погибает от скуки, и немедленно создала танцевальный кружок. Благо сама она была танцовщицей профессиональной.

Сначала в кружок робко записались несколько девчонок, за ними потянулись парни... а уж спустя совсем немного времени слава о «селе с танцами» гремела по всей округе. Народ повалил в клуб со всех окрестных деревень. Днём занимались дети и подростки, вечером были танцы для взрослых. И там, и там заводилой была эта самая девушка по имени Надежда. Она и сама танцевала много и прекрасно. А уж когда про её танцы прослышали и в Калинине, то народ стал приезжать и оттуда.

Такая популярность Надежды и её танцев имела и некоторые особенности по части личных взаимоотношений. Непо-

нятно, почему так много парней уверены, что если девушка с ними танцевала, то теперь она их навеки?

Да, Надежду заметили многие... С неожиданной душевной болью Вовчик рассказывал, что за ней ухаживал её постоянный партнер по танцам, распределённый в тот же совхоз. А ещё – завклубом, председатель совхоза, двое лётчиков из соседней авиачасти и ещё уйма персонажей. Ну и Вовчик между них.

Каждый вечер, как в клубе были танцы, вокруг Надежды вилось с десяток человек. Дело доходило и до драки, когда речь шла о том, чья очередь подошла с ней танцевать. Что до самой Надежды, то её этот ажиотаж нисколько не смущал, а скорее забавлял.

...Я слушал Вовчика, и меня не оставляло странное чувство, название которому я, как ни силился, так и не подобрал. Это было что-то ранее мне неизвестное. Какая-то смесь сострадания, зависти, сочувствия и жалости по отношению к нему. Всё-таки как ни крути, а в длинной череде претендентов на танец любви с неизвестной Надеждой для Вовчика, как мне казалось, прочно зарезервировано самое последнее место. И немалую роль в этом играли его, прямо скажем, не выдающиеся внешние данные. Тем более сногсшибательным оказалось приглашение на свадьбу Вовчика и Надежды!

Случилось это примерно через полгода после того, как он начал ухаживать за ней. И почти перед самым дипломом несколько человек, к которым Вовчик испытывал ува-

жение, – в том числе и я – отправились в Калинин, где я и увидел его молодую невесту.

Я был свидетелем на той свадьбе, постоянно рядом с молодыми, так что рассмотреть её мог отлично. До этого я её себе уже представлял со слов Вовчика, и мои предположения полностью подтвердились. Передо мной была стройная и аккуратненькая, словно куколка, девушка. С летящей походкой, в белом платье, с причёской. Понятно, что свадьба без танцев не бывает, и Надежда показала себя в лучшем виде: она танцевала, все ей улыбались, каждый хотел её обнять, потанцевать с ней.

Мне даже показалось несколько чрезмерным это повальное мужское увлечение Надеждой. Я сидел рядом с Вовчиком, и мне стало грустно, а потом и обидно за него, потому что я проникся уверенностью, что долгое семейное счастье ему не светит. И причина в том, что тяжело ему будет удержать такую егозу в доме. Она ведь только подрастает, а он же взрослый мужчина. К тому же он был совершенно иного склада характера, со своим мировоззрением, культурой, образованностью. А она... Она, как мне тогда показалось, порхала по жизни, ей нужен был блеск, калейдоскоп переживаний. А Вовчик ведь был, по сути, обычным деревенским парнем, каких миллионы в России, он знал своё место и выше головы не прыгал.

И когда мы прощались, я видел, как она вся буквально светилась, а он стоял рядом, пригорюнившись...

...А затем был диплом, распределение и работа. Иногда я встречался с бывшими однокурсниками, и, разумеется, мы вспоминали Вовчика. Постепенно я узнал, что жизнь у него нелёгкая. Сначала у них родился один ребёнок, затем второй. С жильём было туго, работа была не ахти какая – электромонтёр. С деньгами совсем было тяжело. Быт начал постепенно губить эту семью, и я с грустью думал, что оказался прав и осталось им жить вместе не так уж и долго.

* * *

Так пролетело десять лет. И вот однажды, волею судеб и отправившего меня в командировку начальства, я оказался в Калининe. Когда с делами было покончено, я вспомнил, что где-то здесь должен быть Вовчик. Как он поживает? Что с ним?

Найти Вовчика через адресное бюро оказалось простым делом. Ведь был он не просто Вовчик, а Еремеев Владимир Петрович. Узнал номер телефона, позвонил, он меня моментально признал и тут же пригласил к себе.

Приехал я всего на день и в гостинице устраиваться не стал, поскольку Вовчик предложил остаться у него. Ехал я к нему и думал, что ничего ведь о нём не знаю, и как себя вести – тоже не представляю. Всё оказалось совсем не так, как я думал, к моему собственному стыду.

Вовчик был обладателем трёхкомнатной квартиры, что по

советским меркам было весьма неплохо. Он работал инспектором по технике безопасности в «Калининэнерго». У него было уже трое детей. Женат он был всё так же на Надежде, она не работала, потому что дети отнимали много времени.

Встретили меня с радушием. Накормили, я принес бутылочку, мы её распили, вспоминая студенческие годы.

Мне было легко и приятно в этом доме. Вовчик с женой радовались мне искренне, несмотря на то, что я свалился на них, как снег на голову. Они суетились вокруг меня, ставили еду, закуски... Всё простое – колбаса, селёдка, картошка, капуста... А под водочку и воспоминания, да с хорошим другом – большего и не требовалось.

Мы разговорились. Я уже не помню, сколько мы выпили. Бедный Вовчик, оказывается, очень намаялся на работе, но виду не подавал. Пока не ушёл в соседнюю комнату и там уснул прямо в кресле. А мы остались с его женой Надеждой за столом, продолжая беседовать.

Вот тогда-то для меня и открылось то важное, чего я о Вовчике и не знал, хотя был уверен, что видел его насквозь.

Надежда, кажется, рада была возможности выговориться. Кажется, ей впервые за много лет выпала такая возможность, переживая трудные времена.

Оказалось, что у них уже и садовый участок есть, и на этот участок Вовчик привёз три вагончика на колёсах, утеплённых, а потом обил их вагонкой, и получился дом, хозблок и баня. Этот рукастый деревенский человек сумел и там со-

здать уют, и в доме у них было всё как-то ловко устроено.

Надежда рассказала, что Вовчик ей действительно нравился. Да и она тоже, оказывается, из села. А когда Вовчику дали работу в областном центре, в Калинин, то она рада была вместе с ним выбраться из села в большой город.

Поначалу она и здесь занималась танцевальным кружком, но потом семейная жизнь её закрутила: один ребёнок, второй, третий... За эти десять лет жизни она многое пережила, не ладила со своими родителями... Но она всегда знала главное: за своим Володенькой она – как за каменной стеной, которую он сумел выстроить вокруг неё и защищал её от всех невзгод.

Мне было и радостно, и несколько больно слушать её, и щемило сердце, пока она рассказывала, что Володенька – именно тот, кто ради неё и живёт. Рядом с ним она поняла, что жизнь складывается не из красивых слов, букетов цветов и дорогих подарков. Главное – чтобы рядом была опора, и тогда можно всё преодолеть. И теперь она и не представляет себе другой жизни, без Володи, которого она бесконечно любит и которому благодарна за то, как у них всё хорошо складывается.

...С того вечера прошло немало лет. А я всё не перестаю думать о том, что мир жив только потому, что есть такие семьи, как та, которую создал и охраняет Вовчик. Семьи крепкие, которые идут по жизни, презрев трудности, вместе преодолевая любые невзгоды. Они живут счастливо и даже не

представляют, как можно жить иначе.

И я вспоминаю слова Надежды, которая сказала, что, когда муж уходит на работу, она грустит без него весь день, и ей не хватает его.

Вот таков он оказался, не Вовчик, а Владимир Петрович Еремеев, Маленький Человек с большой буквы, глава семейства, отец, муж, оплот семьи, на котором держится весь мир.

Один день из жизни Виктора Ивановича

*В защиту Александра Исаевича
Солженицына*

*«Он не скрывал высоких дум,
Гонимый тьмою в круге Первом,
Как огнегласый Аввакум
Перед всевластием неверным.*

*Он правду говорил в упор
Вождем безбожного всесилья,
Кто превратил в «Матрёнин двор»
Многострадальную Россию.*

*В скитаньях горьких посевев,
Он сам себя судил сурово.
И, в слове истину прозрев,
Он сокрушил безумье слова.*

*Но сторожил незримо ад
Его державные стремленья,
И нынче всё ещё летят
В пророка грязные каменья.*

*Дрожит во тьме Полярная-звезда,
Молчит Россия одиноко,
Но с нами в Слове навсегда
Душа страдальца и пророка!»*

Лев Котюков, 1975 г.

В большую литературу (маленьких литератур, по моему глубокому убеждению, не бывает) всяк попадает своим путём. Самый лучший из них, самый благородный – это когда кому-то повезло с наставниками. И тогда мы узнаём, что «... старик Державин нас заметил и, в гроб, сходя, благословил...» Мои наставники – хвала Всевышнему – живы, и да продлятся дни их под солнцем и луной, пусть под ними и не всё вечно. Я бесконечно благодарен тем, кто помог мне увидеть мой путь. Нет, я не стану утверждать, что я сам его не видел, но... Учитывая полное отсутствие писательского опыта, двигаться по тернистому пути литературы приходилось на ощупь. Так что спасибо тем, кто во тьме, окутывавшей меня, нащупал выключатель и одарил светом истины. Впрочем, в молодости я уже соприкасался с литературой. Косвенно. Но так, что едва не оказался перемолот жерновами Большой Истории, творившейся, как я тогда вдруг осознал, каждый день где-то вокруг меня, а я её, к стыду своему, не замечал. Почему едва и не угодил под колёса той же Большой Истории с Большой Литературой. Впрочем, всё по порядку...

Случилось это в далёком 1975 году. Тогда я учился в Мос-

ковском энергетическом институте, точнее – уже заканчивал. При этом активно занимался общественной работой – по линии интернациональной дружбы. Активным был до нельзя. Оно и понятно: я только что стал кандидатом в члены партии, ответственности прибавилось.

Всё время общался с иностранными студентами: из Алжира, Венгрии, Ливана, Нигерии. Я сам пять лет жил в одной комнате общежития со здоровенным нигерийцем Болой Амушаном.

Устраивали мы всякие мероприятия, разные там вечера дружбы, вывешивали поздравления с национальными праздниками. В сущности, вся моя интернациональная работа к этому и сводилась.

И вот заметил я, что начали ко мне приставать наши иностранные студенты с вопросом: дескать, вечер венгерского землячества – это здорово, вечер африканской дружбы – ещё прекрасней, но вот есть такой писатель Александр Солженицын, да ещё и лауреат Нобелевской премии. Так почему бы и не провести диспут, посвящённый ему?

Мне бы как-то отбояриться от такого лихого предложения. Сослаться на занятость, дескать, пятый курс, диплом, всё такое...

Но активная жизненная позиция не дала мне возможности соврать. Да, что-то такое я про Солженицына слышал, а повесть «Один день Ивана Денисовича» и ещё какие-то рассказы даже читал. Но вот всей глубины проблемы я элемен-

тарно не сознавал. Разумеется, газеты я читал и телевизор – все четыре программы – смотрел. Но сути всего того, что было связано с именем Солженицына, я и не знал.

Однако, как человек, добросовестно относящийся ко всем порученным мне делам, я, не особо задумываясь, легко согласился провести диспут, посвящённый Солженицыну. Мы договорились с иностранными студентами, что через три недели ровно в красном уголке общежития намеченное мероприятие проведём. После чего я забежал в студсовет, на лету сообщил о грядущем событии и умчался готовиться.

Тут только, с опозданием, я начал соображать, что даже не знал и биографию Солженицына, не то чтобы его произведения. Взгляды его мне были знакомы смутно: то ли он кого-то ругал, то ли его кто-то за что-то костерил. Но ведь дали же ему, в конце концов, Нобелевскую премию! За неимением других мыслей я постоянно думал об этом и решил, что просто так нобелевками не расшвыриваются. Но уже начинало противно зудеть под лопаткой: появилось ощущение, что это не просто диспут – а большое и серьёзное политическое мероприятие. И совсем оно не будет похоже на вечер советско-нигерийской дружбы, на котором присутствовало два десятка первокурсников, которые с интересом слушали, как Бола Амушан рассказывает о том, как его дядя отправился по саванне в соседнюю деревню, а по дороге его едва не съел леопард. Все прочие курсы слышали эту байку уже много раз.

Советские времена развили в нашем человеке одно хорошее качество: если что-то не получается – иди за советом к старшему товарищу.

И я пошёл на кафедру истории партии.

Надо сказать, что на первом курсе лекции по истории КПСС нам читала замечательная Мария Ивановна Виноградова. Дама-профессор, ей уже было далеко за шестьдесят, а я уже учился на пятом курсе, но когда мы встречались в коридоре, она меня обнимала, спрашивала, как дела. И мне было приятно, что меня помнят.

Короче говоря, пришёл я к Марии Ивановне на кафедру и сообщил о грядущем диспуте. Профессор Виноградова не испугалась, не замахала в ужасе руками и не стала хвататься за сердце. Сообщила, что дело хорошее, она обязательно придёт и с собой кого-нибудь для поддержки захватит. Я до сих пор ломаю голову над тем, почему она так сравнительно легко отнеслась к этому событию. Может быть, потому, что ей уже ничего не грозило?

Её ответ меня приободрил: значит, я буду не один «бодаться с дубом». Но дальнейшие события показали, что ещё рано было пить боржоми.

Первый звонок прозвенел, когда меня вдруг с лекции вызвали в коридор и начальник курса Татьяна Сулеймановна Фельдман (красивая, умная, стройная женщина, мастер спорта по художественной гимнастике) как-то на меня странно посмотрела и спросила: что это у нас там за меро-

приятие, о котором шепчутся на всех углах института?

Чувствуя правоту своего дела, я гордо отвечаю, что состоится диспут о Солженицыне. Фельдман прислонилась спиной к стенке коридора и поинтересовалась тем, насколько я адекватен, и вообще всё ли со мной нормально, и не происходило ли в последнее время чего-то такого, что меня беспокоит. Чувствуя подвох в вопросе, я ответил в том смысле, что на здоровье не жалуясь. Фельдман вздохнула и сообщила, что меня вызывают в комитет комсомола, к секретарю по идеологии. И при этом как-то особенно жалостливо на меня посмотрела. Так обычно смотрят, когда провожают в дальний путь, не надеясь на новую встречу.

Чувствуя, как у меня на ходу отнимаются ноги, я побрёл в комитет комсомола – в другой корпус.

Я не помню нашего комсомольского секретаря по идеологии: это была такая должность, которая располагала не столько к тому, чтобы миловать, сколько к тому, чтобы карать. У меня в памяти сохранился образ тощего аспиранта, который как-то уж очень заботливо меня обхаживал, предлагая стул, расспрашивая о том, чем я занимаюсь, как учусь, какие мероприятия провожу...

Я не выдержал этой пытки и сам ему всё выложил про намеченный диспут о Солженицыне. Услышав это, зам по идеологии сделал очень большие глаза: то ли просто удивился, то ли это были симптомы стремительно приближающегося инсульта.

Придя в себя, зам по идеологии снова принял заинтересованный вид и стал расспрашивать, есть ли у меня какой-то план, кто будет выступать, о чём будут говорить. Видно было, что ему позарез нужна такая бумага, чтобы в случае чего снять с себя всю ответственность.

Я ответил, что никакого плана нет. Тогда он попросил его сочинить, поскольку это всё очень интересно и вообще важное событие в институте... Когда я закрывал за собой дверь, было слышно, как зам по идеологии лихорадочно набирает номер на телефоне.

После всех этих бесед у меня появилось крайне неприятное чувство опасности. Наконец-то я сообразил, что вляпался во что-то очень нехорошее. Чувство усилилось, когда я зашёл в деканат и ко мне подошёл секретарь партбюро Леонид Алексеевич Ильяшенко. Добрейшей души человек, он ко мне хорошо относился и даже дал рекомендацию в партию. Он меня эдак по-отечески приобнял и тихо спросил, когда там у меня диспут про Солженицына. Я ответил, стараясь не дрожать. Ильяшенко сообщил, что будет там обязательно, и предложил мне подготовиться получше.

Когда я вышел из деканата, то понял, что Ильяшенко бросил мне спасательный круг, сам того не сознавая. Действительно, вот соберёмся мы, а кто будет говорить и о чём будет говорить? Я? Сомнительно... Никаких последних произведений Солженицына я не читал. Да и о нём не знал ровным счетом ничего. Кроме того, что он член Союза писате-

лей СССР, что его выгнали и из Союза писателей, и из Союза ССР.

Ага!

Внезапная догадка пронзила моё сознание подобно молнии. Если Солженицын был членом Союза писателей СССР до того, как его оттуда изгнали, то уж наверняка те члены, что в Союзе остались, хотя бы что-то знают о своём бывшем коллеге.

По телефонному справочнику я нашёл адрес Союза писателей СССР и отправился на Поварскую улицу, мысленно повторяя: надо найти какого-нибудь писателя, который доходчиво расскажет молодой поросли советских инженеров-энергетиков о писателе и лауреате Нобелевской премии Александре Исаевиче Солженицыне.

В СП СССР был пропускной режим, как и везде в подобных организациях. Но меня это нисколечко не смутило. За время учёбы я наловчился проникать в любое общежитие, минуя вахтёрш и комендантов. Главное в этом деле – держаться уверенно, не смотреть в глаза вахтёру, а идти вперёд, сохраняя на лице выражение собственной общественной значимости.

Поэтому вахтёра я обошёл мгновенно и тут же взбежал по лестнице выше. Оказался на втором этаже и принялся приставать ко всем встречным с вопросом, кто здесь самый главный. Главным оказался председатель правления СП СССР Константин Федин.

Я как-то где-то слышал, что есть такой писатель, но понятия не имел, что он собой представляет. Впрочем, эти знания мне всё равно негодились бы: я узнал, что он крайне редко появляется на работе, а всем заправляют его замы.

Я нашёл кабинет одного такого зама. В приёмной находилась секретарша, которая только успела открыть рот, чтобы спросить меня о цели визита, как тут же в дверь влетела другая секретарша, и обе затрещали, как сороки. До моего уха донеслись несколько слов: «заказ», «ветчина», «чай со слоном» и ещё что-то про еду. Секретарши выскочили в коридор, при этом одна махнула мне рукой в сторону двери – дескать, заходи, раз пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.